

©2024 Х.С. ЭМЕРЕТЛИ

ОБ АНТРОПОЛОГИИ УДАЧИ: ОБЪЕКТЫ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НРАВСТВЕННОСТЬ СЛУЧАЯ

Эмеретли Харлампий Савельевич — аспирант Школы философии и культурологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 115054 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.
ORCID: 0000-0001-9782-2390
kemeretli@hse.ru

Аннотация. В статье исследуется одно из понятий последовательной теории морали — моральная удача. Она имеет место в тех случаях, когда моральное положение человека определяется факторами, которые он не контролирует, другими словами, удачей. Однако все действия и их результаты в той или иной степени обусловлены такими факторами. В этом аспекте моральная удача противостоит моральной ответственности и нарушает естественную практику взаимоотношений между людьми. Возникает проблема: как можно хвалить или винить человека за определенные действия или их последствия, если они частично или полностью не зависят от его индивидуального выбора. Рассмотрению данной проблемы посвящена статья. С одной стороны, в ней приводятся аргументы против результирующей моральной удачи — того ее вида, который связан с результатами действий. Для этого анализируются «принцип контроля» и природа человеческого действия. С другой стороны, отстаиваются доводы в пользу значительной важности учета фактора моральной удачи для актуализации нравственного поведения людей.

по моральной удаче. Но подобное единение носит локальный характер и не делает дискурс о моральной удаче более компромиссным. Наоборот, последний всегда состоял из значительного числа разрозненных точек зрения, каждая из которых встречает как активную поддержку, так и напористую критику.

Данная статья, во-первых, вводит читателя в проблематику моральной удачи и анализирует типологию удачи; во-вторых, отстаивает позитивные решения по некоторым из аспектов вопроса; в-третьих, синтезирует позицию, которая отрицает один из видов моральной удачи — результирующую удачу, с позицией, согласно которой моральная удача играет значительную роль для понимания морали в целом. Необходимо отметить, что когда философы отрицают феномен моральной удачи, речь идет не о том, что реальность удачи или неудачи, как объективного условия среды, является ошибочной, но о том, что такая реальность не может или не должна определять моральное положение субъекта, то есть его моральную ответственность. И, наоборот, признание моральной удачи означает, что случайные внешние и внутренние факторы обладают такой функцией. Также понятие ответственности следует понимать именно в значении моральной ответственности.

В основе статьи лежат пять тезисов:

1) Существование конститутивной, обстоятельственной и каузальной моральных удач противоречит ответственности, которой обладают субъекты действия. Поэтому единственным видом моральной удачи, который необходимо отрицать, является результирующая удача.

2) Наблюдаются расхождения между интуициями и естественными ожиданиями людей, с одной стороны, и принципом контроля, который, как утверждается, лежит в основе моральной ответственности, с другой. Но эти расхождения согласуются с каждым из видов удачи, кроме результирующей, и говорят нечто о морали как таковой — вне границ определенного контекста.

3) Человек может нести ответственность только за качество своей воли или свои воления, под которыми стоит понимать, в частности, намерения, желания, стремления и другие ментальные элементы, а также за свои действия.

4) Каждый из двух объектов моральной ответственности — воления и действия — является независимым от актуальных действий (в случае ментальных элементов), обстоятельств и результатов действий, и заслуживает положительной или отрицательной нравственной характеристики сам-по-себе.

5) Результирующая моральная удача не должна определять оценку моральной ответственности. При этом, хотя люди, которые реализуют одинаковые воления или действия, но достигают

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

Путаница обнаруживается только тогда, когда удача начинает влиять на оценочные суждения о человеке, который поступил определенным образом, когда такой человек вообще становится объектом моральных суждений несмотря на то, что контекстуальное пространство для его действий состоит из неподконтрольных ему факторов. Дана Нелькин отмечает: «моральная удача имеет место, когда агент [agent] может *обоснованно* выступать [can be *correctly treated*] объектом морального суждения, несмотря на тот нюанс, что существенный аспект того, за что его [морально] оценивают, зависит от факторов, которые он не контролирует» [Nelkin, 2019]². Обоснованность положения агента как объекта внешних моральных суждений указывает на такую характеристику вопроса, которая, в частности, и позволяет за ширмой занимательной головоломки, логической уловки или даже оксюморона³, разглядеть парадоксальность⁴ моральной удачи, которая делает ее исследование столь злободневным.

Виды моральной удачи и «принцип контроля»

В литературе выделяется четыре вида моральной удачи: конститутивная удача (constitutive luck), обстоятельственная удача (situational или circumstantial luck), каузальная или причинная удача (causal luck) и результирующая удача (resultant luck или consequential luck). Каждая из них выражает общую проблему и противоречит так называемому принципу контроля. Согласно этому принципу, «мы несем моральную ответственность только в той мере, в какой то, за что нас оценивают, зависит от факторов, находящихся под нашим контролем» [Nelkin, 2019]. Интуитивная достоверность принципа контроля рассыпается под интенсивным

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

² Классическое определение Томаса Нагеля звучит следующим образом: «там, где важный аспект человеческого действия зависит от неконтролируемых им факторов, а мы продолжаем воспринимать его в этом отношении как объект морального суждения, можно говорить о моральной удаче и неудаче» [Нагель, 2008: 176]. Предпочтение в статье определения Нелькин связано с акцентом на одном из важных аспектов моральной удачи — обоснованности морального суждения.

³ «When I introduced the expression of moral luck, I expected to suggest an oxymoron» [Williams, 1993: 251].

⁴ Следствия, выводимые из моральной удачи, идут в разлад с интуитивно приемлемыми условиями морального суждения, которыми мы привыкли руководствоваться: «Человек может быть морально ответственным только за то, что он делает; но что он делает в значительной мере определяется тем, чего он не делает; таким образом, он не несет моральной ответственности за то, за что он ответственен, а за что нет. (Это не противоречие, но парадокс)» [Нагель, 2008: 183–184].

количества вариантов развития будущего⁵. Человек постоянно обнаруживает себя в окружении событий, обстоятельств и нелепых случайностей, независимых от него, но связанных в настолько замысловатый узел, что его неспособно разрубить никакое проявление твердой силы индивидуального выбора. Но даже если мы принимаем истинность детерминизма, я склонен занимать ту сторону в конфликте, которую обычно называют компатибилизмом и которая в общем смысле постулирует совместимость свободы воли с детерминизмом. Следствие, проистекающее из провозглашения такой совместимости, которое интересует нас в первую очередь, заключается в том, что замкнутость субъекта в нескончаемой цепи причинности не устраняет доступность нравственного поведения и не уничтожает личной ответственности: «даже если мы каузально детерминированы действовать определенным образом, мы все равно можем действовать, исходя из желаний, которые нам приятно иметь, мы все равно можем действовать по хорошим или плохим причинам, и наши действия по-прежнему могут выражать наши ценности» [Khoury, 2018: 1374]. Поэтому вполне обоснованно рассматривать конститутивную, обстоятельственную и каузальную моральную удачу как позитивные. В конце концов, именно Я решаю, как Я отреагирую на определенные обстоятельства, какое решение приму и в какую сторону поверну сложившуюся ситуацию. Но вынести схожий вердикт в отношении результирующей удачи достаточно проблематично, а скорее всего, невозможно.

Результирующая удача отличается от остальных видов удачи не только логически, но и концептуально. Обстоятельства и внутренняя конституция человека имеют перспективную направленность, безразличную к результатам его поступков. Они подразумевают взаимодействие человека с определенными условиями, обрамляют его поведение в заданных обстоятельствах и под влиянием уникального темперамента. Это дает нам возможность признавать факт существования этих трех видов удачи не только и не столько без ущерба для моральной ответственности, но, более того, с откровенной пользой для нашей возможности поступать морально. Но результирующая удача охватывает результаты действий, она имеет ретроспективную направленность в том смысле, что мы стараемся постфактум разглядеть некоторую

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

⁵ Индетерминизм позволяет отрицать причинность, превращающую человека в заводную куклу из музыкальной шкатулки, которая вынужденно застревает в канители однообразного танца. Но независимые от вмешательства человека обстоятельства никуда не исчезают — люди в любом случае неперестанно находятся в тисках неподконтрольного их воле контекста.

Ситуации специально построены таким образом, что в них подлежит изменению все, кроме ментальных элементов (А), но, несмотря на это, выносимый моральный вердикт сохраняет первоначальную целостность.

Предположим, что (А) в каждой из ситуаций обладает одинаковыми интенциями. То есть в своих поступках он руководствуется единым набором желаний, стремлений и других ментальных элементов. Тогда, если мы говорим, что нет разницы между первой и второй ситуацией, необходимо распространить это утверждение и на третью ситуацию, потому что нахождение (А) в виртуальной реальности является для него точно таким же фактором удачи, каким является и пролетающая мимо птица во второй ситуации [Khoury, 2018: 1360]. Отсюда, в частности, дополнительно следует то, что в каждой из ситуаций (А) несет ответственность исключительно за направление своей воли, которая оказывается нечувствительной не только к результатам действий (вторая ситуация), но и к фактическому совершению действий как таковых (третья ситуация): «этот взгляд предполагает [только то], что ментальный компонент действия, который я называю волеием, метафизически обособлен от телодвижения и его дальнейших последствий, в том смысле, что он [компонент] может иметь место в отсутствии телодвижения или его последствий». Таким образом: «всякий раз, когда мы действуем, есть связанное [с этим действием] ментальное событие [волеие], и, в контексте действия, только волеия являются тем, за что моральные агенты несут ответственность» [Khoury, 2018: 1365]. Эти рассуждения затрагивают вопрос о взаимосвязи между волеием и действием.

В одном из своих эссе по философии действия Дональд Дэвидсон пишет: «Я щелкаю выключателем, включаю свет и освещаю комнату. Неведомо для себя я также оповещаю грабителя о своем присутствии в доме. Здесь мне нужно было делать не четыре вещи, но только одну, для которой было дано четыре описания» [Davidson, 2002: 4]. Это демонстрирует отсутствие принципиальной разницы между тем, что я включил свет в комнате и тем, что я оповестил грабителя — все это доступные описания одного действия, а именно движения моего пальца, с помощью которого я щелкнул выключателем. События, к которым приводит взаимодействие пальца и выключателя, зависят от того, что фактически произойти может и чего произойти не может: «наши примитивные действия, те, которые мы не совершаем, делая что-то еще, простые движения тела, — это единственные действия, которые существуют. Мы никогда не делаем ничего, кроме движений тела: все остальное зависит от природы [is up to nature]» [Davidson, 2002: 59]. Хури соглашается с подобной унификацией действия,

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

как можно быстрее. Наши оценочные суждения здесь затронут непосредственно факт превышения скорости вне зависимости от мотивов, которыми я руководствовался на момент принятия решения превысить скорость.

Я предполагаю, что мне могут указать на то, что релевантным элементом будет не воление успеть на сеанс, но воление превысить скорость, чтобы успеть на сеанс, и именно за него я буду нести ответственность. Прежде всего, я думаю, что такой взгляд на ментальные элементы как на дискретные единицы ошибочен. Мы не осознаем все этапы в некоторой ментальной последовательности в их отдельности. Когда (А) выражает воление выстрелить в (Б), он, в строгом смысле, воспринимает воление прицелиться и нажать на курок в общем потоке воления убить (Б), за которое (А) в дальнейшем справедливо понесет моральную ответственность. Точно так же, когда я превысил скорость, руководящим ментальным элементом будет желание успеть на сеанс, которое подразумевает (но не требует) превышения скорости. Таким образом, в первом случае этот холистический общий поток выражает исключительно желание успеть на сеанс, а во втором случае — желание убить. Я хочу сказать, что если говорить о деталях, то любое воление можно описать в его раздробленных частях, например, не воление убить, но воление занять позицию, чтобы убить, или воление надеть удобные перчатки, чтобы выстрелить, чтобы убить; тем не менее, кажется, все это лишь элементы единого целого, *примитивного* желания убить, и оценочное суждение направлено именно на него.

Вышесказанное имеет значение в области морали и не противоречит не только философии действия Хури, но и отрицанию результирующей удачи. Потому что в предложенном мной примере действие плохо само по себе вне зависимости от того, описанием какого воления оно является, а значит случайное событие, неудача в виде появления на пути автомобиля ребенка, не делает мое поведение более заслуживающим обвинения, чем если бы я благополучно добрался до кинотеатра.

Моральность моральной удачи

Если мы отрицаем существование результирующей моральной удачи, то должны объяснить, по какой причине между общей практикой разного отношения людей к одинаковым действиям, когда они тянут за собой разные последствия, и убедительным принципом контроля пролегал пропасть, во мраке которой растворяются теоретически справедливые моральные суждения.

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

влиянию внешних факторов, которая влечет за собой несовершенную предсказуемость результатов» [Walker, 1991: 19], то моральная удача перестает быть неразрешимой проблемой, если вообще сохраняет черты проблематичности. Принцип контроля на поверку оказывается куда более гибким инструментом, который не просто выделяет условия, при которых мы или другие люди становимся носителями ответственности, но и включает широкий спектр реакций — гнева, радости, страдания, уныния, шока, злости, воодушевления — как неотъемлемой части приписывания моральной ответственности: «поскольку мы можем винить людей только за их действия или бездействия, о которых нам известно, мы будем чаще винить людей, чьи неправомерные действия или ошибочное поведение приводят к плохим результатам, нежели тех, чьи действия не причиняют вреда» (Wolf, 2001: 7). Поэтому голословным будет заявление, что эти и другие реакции суть рудиментарные для нашей моральной диспозиции элементы: «правда моральной удачи, которую должен осознать рациональный, отзывчивый моральный агент, заключается в том, что ответственность пересиливает контроль, хотя и не каким-то одним или простым способом» [Walker, 1991: 19].

Этот взгляд пронизывает многие аспекты нашей жизни: мы хвалим людей, когда они справляются с незначительными или серьезными трудностями, которые спонтанно возникли в ходе игры случайности, благодарим их, если они по доброй воле помогают нам справиться с такими трудностями, и расстраиваемся или разочаровываемся, если они уступают перед нашествием первых и закрывают глаза на вторые⁷. Однако указанные реакции и требования в отношении поведения других людей не просто утверждают ответственность, но подразумевают вовлеченность субъекта сверх обыкновенного признания с его стороны того факта, что он ответственен за тот или иной результат своего поведения. Вновь обратимся к водителю, который сбил ребенка. Предположим, что он осознает свою роль в производстве этого печального факта, но высказывает мнение, согласно которому он не более виновен, чем тысячи других водителей, которым просто посчастливилось не столкнуться с пешеходом. Проблема будет заключаться не в том, что водитель «отказывается признать [ассерт], какую ответственность он объективно несет за смерть ребенка, но в том, что он не способен принимать [take] на себя ответственность за произошедшее в том смысле, который выходит за рамки [простого признания]...

Х.С. Эмеретли
Об антропологии удачи: объекты моральной ответственности и нравственность случая

⁷ О роли мотивов и психологических диспозиций в формировании оценочных суждений см.: [Черняк, 2009].

который не совершил убийства из-за птицы, «(он контролировал происходящее в той же степени)»⁸. Следовательно, продолжает философ: «поскольку степень ответственности зависит от степени контроля, [(А) в каждой из ситуаций] должен быть объявлен одинаково морально ответственными» [Zimmerman, 2002: 560–568]. Еnoch и Marmor видят разницу между «моральной порицаемостью (или похвальностью) [moral blameworthiness (or praiseworthiness)], которая... является исключительно функцией моральной ответственности и, следовательно, невосприимчивой к удаче, от уместности [appropriateness] или оправдания [justification] того, что мы будем называть связанными-с-виной(-похвалой) [blame-(or praise)-related] реакциями, такими как наказание, социальное осуждение и даже такие отношения-от-первого-лица [first-person attitudes], как сожаление или раскаяние» [Enoch, Marmor, 2007: 413–417]. Хури излагает более обобщенное, но содержательно идентичное мнение: «мой аргумент касается ответственности, понимаемой как степень, в которой агент заслуживает порицания или похвалы. Таким образом, хотя я утверждаю, что агенты не могут быть достойны порицания или похвалы за каузальные последствия своих волений, я не утверждаю, что они не имеют отношения к последующим обязанностям [duties] в значении будущих обязательств [obligations]. Тот факт, что желания человека приводят к конкретным результатам... порождает конкретные обязательства. Если желание [агента] причинило какой-то вред, то перед ним может встать обязанность предложить своего рода возмещения» [Khoury, 2018: 1375]⁹.

* * *

Моральная удача как философская проблема глубоко озадачивает. В данной статье я не стремился охватить все виды моральной удачи в их тотальности, в ней проанализированы только моральные импликация и логические следствия результирующей удаче. В качестве итогов исследования можно предложить несколько выводов:

⁸ Циммерман использует пример с Георгом, который не убил Хенрика из-за пролетавшей мимо птицы и Джорджем, который убил Генри: «George was in control of more things than Georg (his control had greater scope), but he was no more in control of what happened than Georg was (he was in control to the same degree)» [Zimmerman, 2002: 562]. Критику Циммермана в том, что касается выделения им степени и объема ответственности, предлагает Хури [Khoury, 2018: 1361–1363].

⁹ См. также статью Майкла МакКенна, который проводит различие между прямой (direct) и деривативной (derivative) ответственностью [McKenna, 2012], и книгу Томаса Скэнлона, который выделяет атрибутивную и субстантивную ответственность [Scanlon, 1998].

Х.С. Эмеретли
Об антропологии
удачи: объ-
екты моральной
ответственности
и нравствен-
ность случая

On the Anthropology of Luck: Objects of Moral Responsibility and the Morality of Chance

Kharlampy S. Emeretli

Postgraduate degree in Philosophy.

HSE University.

21/4, Staraya Basmannaya str. bldg. 1, Moscow 115054, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-9782-2390

kemeretli@hse.ru

Abstract. The article examines one of the concepts of a consistent theory of morality — moral luck. It occurs when a person’s moral standing is determined by factors beyond his control, or, in other words, by luck. However, all actions and their consequences are, to one degree or another, determined by such factors. In this aspect, moral luck is opposed to moral responsibility and disrupts the natural practice of human interrelationships. The problem arises: how can one be praised or blamed for certain actions or their consequences if they are partially or completely independent of his individual choice? This article is devoted to consideration of this problem. On the one hand, it argues against resultant moral luck — the kind that is associated with the results of actions. To complete this, the “control principle” and the nature of human action are analyzed. On the other hand, arguments are defended in favor of the significant importance of considering the factor of moral luck for the actualization of people’s moral behavior.

Keywords: moral luck, control, resultant luck, responsibility, mental elements, willings, action.

For citation: Emeretli K.S. On the Anthropology of Luck: Objects of Moral Responsibility and the Morality of Chance // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 103–120. DOI: 10.31857/S0236200724020067

Литература/References

Кант И. Основоположения к метафизике нравов // *Кант И. Соч. на нем. и рус. яз.: в 4 т. / под. ред. Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–275.*

Kant I. *Osnovopolozheniya k metafizike нравов* [Foundations of the Metaphysics of Morals]. Kant I. *Soch. na nem. i rus. yaz.: v 4 t.* [Works in German and Russian: in 4 vol.], B. Tushling, N.V. Motroshilova (eds.). Vol. 3. Moscow: Moskovskii filosofskii fond Publ., 1997. P. 39–275.

Нагель Т. Моральная удача // *Логос*. 2008. Т. 64, № 1. С. 174–188.

Nagel T. *Moral'naya udacha* [Moral Luck]. *Logos*. 2008. Vol. 64, N 1. P. 174–188.

Черняк А. Моральная удача // *Логос*. 2009. Т. 70, № 2. С. 151–173.

Chernyak A. *Moral'naya udacha* [Moral Luck]. *Logos*. 2009. Vol. 70, N 1. P. 151–173.

Х.С. Эмеретли
Об антропологии
удачи: объекты
моральной
ответственности
и нравствен-
ность случая

- Davidson D. *Essays on Action and Events: Philosophical Essays Volume 1*. Oxford: Calderon Press, 2002.
- Enoch D., Marmor A. The Case Against Moral Luck. *Law and Philosophy*. 2007. Vol. 26, N 4. P. 405–436.
- Goldman A.A. *Theory of human action. Englewood Cliffs*. New Jersey: Prentice-Hall, 1970.
- Khoury C.A. The objects of moral responsibility. *Philosophical Studies*. 2018. Vol. 175, N 8. P. 1357–1381.
- Levy N. *Hard Luck: How Luck Undermines Free Will and Moral*. Oxford: Calderon Press, 2009.
- McKenna M. Moral responsibility, manipulation arguments, and history: Assessing the resilience of nonhistorical compatibilism. *Journal of Ethics*. 2012. Vol. 16, N 2. P. 145–174.
- Nagel T. Moral Luck. Nagel T. *Mortal Questions*. New York: Cambridge University Press, 1979. P. 24–38.
- Nelkin D.K. Moral Luck. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 19.04.2019 [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/moral-luck/#KinMorAss> (date of access: 27.07.2023).
- Scanlon T.M. *What we owe to each other*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
- Smith A. *The Theory of Moral Sentiments*, D.D. Raphael, A.L. Macfie (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Walker M.U. Moral Luck and The Virtues of Impure Agency. *Metaphilosophy*. 1991. Vol. 22, N 1/2. P. 14–27.
- Williams B. Moral Luck. Williams B. *Moral Luck*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 20–40.
- Williams B. Postscript. *Moral luck*, ed. by D. Statman. Albany: State University of New York Press, 1993. P. 251–258.
- Wolf S. Moral of Moral Luck. *Philosophic Exchange*. 2001. Vol. 31, N 1. P. 4–19.
- Zimmerman M.J. Taking Luck Seriously. *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 99, N 11. P. 553–576.